

Л. Е. Куббель

**ПОТЕСТАРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ
(к постановке проблемы)**

4

Понятие «политическая культура» довольно широко используется в научной литературе у нас в стране и за рубежом. Вот ее трактовка в новейшей отечественной работе: «определенное образование, состоящее как из совокупности средств организации политической жизни (формы политического процесса, стереотипы политического поведения, политические роли, политические традиции и т. п.), так и из совокупности мотивирующих политическую деятельность факторов (политические настроения, знания, верования, политические ориентации, политические ценности и идеалы)»¹. В западной науке, где это понятие было введено в обиход Г. Олмондом в 1956 г., оно рассматривается сходным образом, с той лишь разницей, что в зависимости от взглядов исследователя может делаться больший акцент на элементах, составляющих первую или вторую части цитированного выше определения. Для самого Олмонда политической культурой первоначально была собственно лишь модель (pattern) ориентации на политическую деятельность, существующая в данном обществе². Правда, такое понимание политической культуры с самого начала подвергалось критике из-за свей нечеткости. Кроме того, довольно справедливо обращали внимание на то, что возможны разные истолкования самого термина в различных общественных дисциплинах, и в первую очередь в политологии и антропологии (этнографии)³: в последнем случае политическая культура обозначала бы политическую организацию того или иного общества, тогда как для политолога — лишь один из ее аспектов, т. е. составную часть политической деятельности вообще⁴.

Тем не менее бихевиоралистская по своей сути точка зрения Олмонда, хотя и во многом дополненная и расширенная им самим и другими политологами функционалистского направления, получила значительное распространение как в специальных работах по политической куль-

¹ «Политические системы современности (очерки)». М., 1978, с. 43.

² G. Almond. Comparative political systems.—«The Journal of Politics», v. 18, № 3, 1956, p. 396.

³ О соотношении понятий «этнография» и «антропология» см.: Ю. П. Аверкиева. Этнография и культурная/социальная антропология на Западе.—«Сов. этнография» (далее — СЭ), 1971, № 5, с. 9—16; Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, с. 180—181; его же. О предмете культурно-социальной антропологии и этнографии в трактовке англо-американских и советских ученых (опыт сравнительного анализа).—«Этнография за рубежом». М., 1979.

⁴ Y. C. Kim. The concept of political culture in comparative politics.—«The Journal of Politics», v. 26, № 2, 1964, p. 336.

туре⁵, так и в исследованиях, посвященных тем или иным конкретным обществам⁶. Представляется, однако, что при должном историзме подхода понятие политической культуры можно с пользой применить и в более широком контексте этнографических и историко-культурных исследований.

При любых различиях между существующими сейчас толкованиями понятия «политическая культура» в них присутствуют и общие черты. Во-первых, рассматривается эта культура скорее, и даже главным образом, с точки зрения принадлежности входящего в нее комплекса явлений к политической системе (Олмонд и Пауэлл вообще определяют политическую культуру как способ существования политической системы)⁷, а не к культуре общества в целом⁸. Во-вторых, что весьма существенно, понятие политической культуры обычно относится к политическим системам современных общественных организмов, хотя в отечественной литературе совершенно справедливо подчеркивается необходимость выделения стадийально разных политических культур по формационному признаку⁹.

Каково место понятия политической культуры в этнографической науке? За последние полтора десятилетия в рамках этнографии окончательно сложилась особая субдисциплина, получившая на Западе название «политическая антропология»; в нашей науке для ее обозначения было предложено понятие потестарной и политической этнографии. Речь идет об исследовании традиционных институтов, систем и отношений власти в докапиталистических обществах, а также их адаптации и/или инкорпорации во вновь создаваемые социально-политические системы развивающихся стран¹⁰. Важность последнего обстоятельства становится особенно очевидна на фоне все более настойчивых утверждений о преемственности, якобы существующей в данной сфере между обществами доколониальными, колониальными и современными в этих странах¹¹, с чем, понятно, не может согласиться исследователь-марксист.

По самой своей сути потестарная и политическая этнография находится, как сейчас принято говорить, на стыке этнографии и политологии. Довольно характерно, что при исследованиях в этой области широко применяется понятийный аппарат политологии и общей социологии, но в то же время не наблюдается и особого стремления к выработке собственного. С одной стороны, это, конечно, свидетельствует об объективной тенденции к интеграции наук. Однако, с другой, это нередко влечет за собой либо недостаточный учет специфики традиционных (т. е. в конечном счете докапиталистических) обществ, либо неправомерные

⁵ G. Almond, *S. Verba*. The civic culture: political attitudes and democracy in five nations. Boston — Toronto, 1964; L. W. Pye, *S. Verba* (eds.) Political culture and political development. Princeton, 1965; G. Almond, J. B. Powell Jr. Comparative politics: a developmental approach. Boston, 1966. Вот, например, определение, которое дает С. Верба: «Политическая культура общества заключается в системе эмпирических представлений, экспрессивных символов и ценностей, которые определяют ситуацию, в какой имеет место политическое действие. Она дает субъективную ориентацию в отношении политики» (*S. Verba*. Comparative political culture.—In: L. W. Pye, *S. Verba*. (eds.) Political culture and political development, p. 513).

⁶ См., например, J. N. Paden. Religion and political culture in Kano. Berkeley etc., 1973, p. 1—14.

⁷ G. Almond, J. B. Powell Jr. Указ. раб., с. 300.

⁸ Следует, впрочем, сказать, что здесь нет неразрешимого противоречия. Можно говорить о двух уровнях понимания политической культуры: на одном она обозначает все виды и аспекты деятельности, связанные с отношениями власти и властвования, на другом оказывается аналогом в этой сфере той части культуры вообще, которую мы определяем как духовную культуру.

⁹ «Политические системы современности», с. 44.

¹⁰ См. Л. Е. Куббель. Потестарная и политическая этнография.—«Исследования по общей этнографии». М., 1979.

¹¹ См., например, J. F. A. Adjayi. The continuity of African institutions under colonialism.—«Emerging themes in African history». Nairobi, 1968; J. Ki-Zerbo. Histoire de l'Afrique Noire. D'hier à demain. Paris, 1972.

претензии некоторых западных исследователей на то, чтобы решить проблемы, возникающие при изучении политической жизни развитых капиталистических обществ, средствами одной только политической антропологии (этнографии).

Как раз понятие политической культуры может послужить здесь одновременно связующим звеном между научными дисциплинами и определенной гарантией против отмеченных только что крайностей. В этом смысле неоднозначность самого понятия политической культуры в разных науках, которая, как уже говорилось, становилась иногда объектом критики, оказывается скорее преимуществом. В самом деле, изучение политической культуры как политической деятельности связывает ее с политологией, а исследование традиционных отношений, институтов и структур, которые служат одним из выражений этнической культурной специфики — с этнографией. И поскольку круг явлений и проблем, рассматриваемых потестарно-политической этнографией, достаточно специфичен, использование понятия политической культуры может расширить возможности исследователя при этнографическом изучении обществ докапиталистического уровня развития.

Именно поэтому представляется правомерной попытка рассмотреть как самостоятельный объект исследования политическую культуру докапиталистических обществ. В то же время с точки зрения изучения этнических процессов и этнической истории может оказаться более перспективным изучение политической культуры как составной части культуры того или иного народа в целом.

Правомерность такого подхода становится особенно очевидна, если исходить из наиболее общего в нашей литературе определения культуры, предложенного Э. С. Маркаряном — как специфически человеческого способа деятельности, передаваемого из поколения в поколение внебиологическим путем¹². В самом деле, в любом из структурных элементов социальной системы, выделяемых Э. С. Маркаряном — социальной организации, организации культуры и организации собственно деятельности¹³ — неизбежно присутствуют отношения властвования; можно сказать, что эта неизбежность заключена в самом понятии организации. Таким образом, отношения властвования вместе с соответствующими им организационными и социально-психологическими структурами с самого начала образуют важную и неотъемлемую часть культуры вообще. И именно ту ее часть, которая и может обозначаться термином «политическая культура». А если иметь в виду наличие такой составной части в культуре любого общества, включая и доклассовое, то более точным представляется обозначение «потестарно-политическая культура»¹⁴.

С определением объема понятия потестарно-политической культуры связан достаточно серьезный вопрос о том, как соотносятся потестарная и политическая культура, с одной стороны, и потестарная и политическая организация общества — с другой. Этот вопрос — часть более общей проблемы соотношения культуры и общества, которая служит предметом оживленных дискуссий среди специалистов и к настоящему времени не может еще считаться решенной окончательно. В данном случае для интересующего нас круга вопросов существенно то, что, хотя ни потестарно-политическая организация, ни потестарно-политическая культура не могут быть сведены к какому-либо одному из вышеперечис-

¹² Э. С. Маркарян. Очерки теории культуры. Ереван, 1969, с. 11. Обзор дискуссии вокруг этого определения культуры см. Е. В. Боголюбова. Культура и общество (вопросы истории и теории). М., 1978, с. 194—200. Ср. также Э. С. Маркарян. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973, с. 41—42.

¹³ Э. С. Маркарян. Очерки теории культуры, с. 27, 64.

¹⁴ О разграничении потестарного и политического в социальной организации см. Ю. В. Бромлей. Опыт типологизации этнических общностей. — «Сов. этнография», 1972, № 5, с. 63; его же. Этнос и этнография, с. 15—16.

ленных элементов социальной структуры по Э. С. Маркаряну и в большой степени перекрывают друг друга, однако культурный аспект в данном случае более широк, поскольку включает и мотивацию деятельности как таковой, т. е. «организацию культуры». Отнюдь не считая такое решение окончательным, полагаю все же, что потестарно-политическую организацию можно рассматривать как концентрированное выражение потестарно-политической культуры на уровне общественных институтов данного социального организма в целом.

Здесь, видимо, следует сделать некоторые дополнительные пояснения. Вполне очевидно, что самое содержание потестарной или политической культуры и то, какие конкретные формы культура принимает, обусловлено социально-экономическими характеристиками того или иного общественного организма. Понятно, что в обществе, где еще не сложились антагонистические классы, она будет принципиально отлична от той, которая существует в обществе классовом. Ибо отношения власти и властвования не нейтральны: они определяются базисом общества, и с ними всегда связан вопрос — кто над кем осуществляет власть и в чьих интересах она осуществляется?

Понятно, что если в доклассовом обществе речь идет о регулировании жизнедеятельности социального организма, имеющем в виду выгоды для основной массы членов последнего, то в классовом такое регулирование осуществляется уже прежде всего в интересах правящего класса, составляющего лишь меньшинство. Двусторонний процесс монополизации общественной должностной функции и основных средств производства ведет к расширению содержания властных отношений и к принципиальному изменению их характера¹⁵. Они включают теперь отсутствующий в доклассовом обществе элемент господства и подчинения плюс более или менее самостоятельную функцию социального подавления в масштабах всего общества.

Различия в самих формах господства и подчинения также вытекают из принадлежности того или иного классового общества к определенной классовой общественно-экономической формации, иначе говоря — из конкретного способа соединения производителя со средствами производства уже в рамках классовой социально-экономической структуры. Именно такие различия в конечном счете и позволяют нам говорить о политической культуре рабовладельческого общества как о чем-то отличном от феодальной политической культуры.

Будучи частью культуры в целом, культура потестарная и политическая обладает теми же основными функциями, т. е. являет нам единство инструментальной, коммуникативной, сигнификативной и нормативной функций¹⁶. Относительное их значение неодинаково и изменяется во времени: например, едва ли кому придет в голову отрицать стремительное возрастание роли инструментальной функции в политической культуре, иначе говоря — технических средств осуществления управления обществом и властвования, в век НТР. Однако на более ранних этапах общественного развития она занимала более скромное место. По-видимому, чисто теоретически можно предположить, что ранее всего проявилась необходимость коммуникативной функции потестарно-политической культуры. Ведь она обеспечивает циркуляцию информации внутри социального организма, что необходимо для его нормального функционирования в качестве самовоспроизводящейся системы. Это ощущается в первую очередь в сфере общественного производства (на стадии присваивающего хозяйства — при добывании пищи), поскольку именно данную сферу деятельности надлежит регулировать прежде всего. В данном отношении потестарная, а впоследствии

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 183—186.

¹⁶ Э. В. Соколов. Культура и личность. Л., 1972; Э. С. Маркарян. Очерки теории культуры, с. 85—86.

политическая культура как составная часть культуры вообще обеспечивает целостность рамок информационной сети данного общественного организма и, таким образом, служит средством сохранения последнего.

Специфика потестарно-политической культуры на разных формационных уровнях связана в первую голову как раз с различиями в облике ее коммуникативной сети, которые сами по себе определены той или иной социально-классовой структурой рассматриваемого общественного организма. В самом общем виде можно говорить здесь о том, что развитие потестарно-политической культуры идет в направлении специализации именно ей присущей коммуникативной сети. В обществах доклассовых и в докапиталистических классовых она неотделима от общей коммуникативной сети, охватывающей все сферы жизни социального организма. Но чем выше формационный уровень общества, тем больше обособляется и специализируется именно та ее составляющая, которая обслуживает отношения властвования в масштабах общества в целом (этот объективный факт признают и западные политологи, хотя трактуют его не в формационных категориях, а как различие между обществами «традиционными» и «современными», или «индустриальными») ¹⁷. Окончательное свое выражение этот процесс для социальных организмов с антагонистическими классами находит в форме относительной самостоятельности политической сферы в капиталистическом обществе. Как раз эту эволюцию и отражает в значительной мере типология форм политической культуры — от «местно-ограниченной» к «гражданской», — разработанная Олмондом и Вербой ¹⁸.

Сигнификативная функция потестарно-политической культуры заключена прежде всего в том, чтобы выделять коммуникацию именно в данной системе. Речь идет об отграничении данной коммуникативной сети от других аналогичных сетей, а через это — об осознании людьми своей принадлежности как раз к той или иной конкретной общности. В таком смысле для сигнификативной функции характерна тесная связь между потестарными или политическими структурами и их символическим значением, подкрепляемым соответствующими формами ритуала, который выступает в таком контексте как отличительный признак и даже символ данной человеческой общности ¹⁹.

Ю. В. Бромлей и С. А. Токарев обратили внимание на особую важность названных двух функций культуры для этнического развития как факторов этнической интеграции и дифференциации ²⁰. Можно добавить к этому, что сигнификативная функция выступает преимущественно в этнодифференцирующей роли. В отличие от этого коммуникативная функция проявляется прежде всего как фактор этнической интеграции и консолидации. Понятно, однако, что подобное разграничение никоим образом нельзя абсолютизировать.

Так же как и коммуникативная, в роли важнейшего этноконсолидирующего фактора выступает нормативная функция потестарно-политической культуры. Роль ее особенно возрастает по мере усложнения социальной системы и соответствующего ему уплотнения коммуникативной сети. Главная задача нормативной функции — обеспечивать стабильность и регулярный характер поведения отдельных составных частей системы, будь то индивиды или группы, как необходимые условия нормального функционирования этой системы. Характерно, однако, что сама по себе, т. е. вне сочетания с коммуникацией и отличением

¹⁷ См. L. W. Pye (ed.). Communications and political development. Princeton, 1967, p. 26, 28.

¹⁸ G. Almond, S. Verba. Указ. раб., p. 12—32.

¹⁹ См., например: M. Edelman. The symbolic uses of politics. 5th ed. Urbana, 1972; H. D. Duncan. Communication and social order. London etc. 1968; ego же. Symbols and social theory. N. Y., 1969; L. W. Pye (ed.). Указ. раб., с. 6—7.

²⁰ Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография, с. 52; С. А. Токарев. Разграничительные и объединительные функции культуры. М., 1973 (Доклад на IX МКАЭН).

«своей» коммуникативной сети, нормативная функция скорее нейтральна в этническом отношении.

В этой связи заслуживает внимания вопрос о том, как соотносится нормативный аспект потестарно-политической культуры с соционормативной культурой как таковой? Ответ состоит, видимо, в том, что это — близкие, но не идентичные секторы культуры в целом, которые частично перекрывают друг друга, но отнюдь не совпадают. В самом деле, сфера действия соционормативной культуры намного шире — практически она пронизывает всю жизнь общества. Нормативный же аспект потестарно-политической культуры проявляется лишь в сфере власти и властвования. Он в несравненно большей степени ориентирован на взаимоотношения на уровне институтов. В частности, в горизонтальной плоскости он действует только на таком уровне, тогда как отношения в системе «индивид—институт» разворачиваются в плоскости вертикальной, иерархической. Это, понятно, не означает отрицания возможности вертикального взаимодействия и между институтами; в этом как раз и отражена преимущественная ориентация нормативного аспекта потестарно-политической культуры, о которой только что шла речь, так как горизонтальные взаимоотношения между индивидами его не касаются. К тому же потестарно-политическая культура затрагивает непосредственно далеко не всех членов общества, а только тех из них, кто считается полноправным при данной социально-классовой структуре социального организма. В этом смысле можно теоретически допустить возможность, так сказать, «нулевого» или «близкого к нулю» уровня потестарно-политической культуры для основной массы населения, например, в традиционных обществах развивающихся стран.

Наконец, в общественной жизни можно, по-видимому, заметить «порог», ниже которого отношения власти и властвования, строго говоря, не носят потестарного, тем более политического характера, а потому там не действует и нормативный аспект потестарно-политической культуры, в то время как культура соционормативная функционирует в полной мере. Для общества предклассового (и в еще большей степени для раннеклассового) такой «порог» соответствует большесемейной общине. Впрочем, существует, по-видимому, общая тенденция к понижению такого «порога» — скажем, община соседская в определенном смысле представляет уже политическую единицу, а «порогом» в этом случае служит малая семья.

Указанные обстоятельства заставляют особо подчеркнуть, что такое «индивидуальное» рассмотрение отдельных функций потестарно-политической культуры возможно лишь на чисто логическом уровне. В социальной практике все они существуют только в сочетании и взаимодействии. И в потестарно-политической культуре любого докапиталистического общества неизменно присутствовали (пусть в разной степени выраженности) и инструментальная, и коммуникативная, и сигнификативная, и нормативная функции. В этой связи можно, по-видимому, рассматривать как нерасчлененное единство указанных функций потестарно-политической культуры в эпоху, так сказать, классического родового строя первобытную мононорму (хотя предложивший это понятие А. И. Першиц непосредственно имел в виду только соотношение права и морали)²¹. Подобное расширение первоначального содержания понятия представляется допустимым, так как мононорма, не охватывая целиком коммуникативную сеть общественного организма и механизмы ее отличия от других сетей, включает тем не менее весьма существенные элементы, определяющие и конфигурацию информационных связей, и то, как именно эта конфигурация отличается от других.

²¹ А. И. Pershits. The primitive norm and its evolution.— «Current Anthropology» (далее — СА), v. 18, № 3, 1977, p. 409—412.

Так как потестарно-политическая культура и ее, как уже говорилось, концентрированное выражение — потестарно-политическая организация — представляют составную часть культуры общества вообще, возникает естественный вопрос: могут ли они рассматриваться в связи с той этнической спецификой, утратив которую та или иная человеческая общность «перестает существовать как отдельный самостоятельный этнос»²²? Другими словами, можно ли считать потестарно-политическую культуру этнически специфичной?

Видимо, ответ в данном случае должен быть утвердительным: внешний облик потестарно-политической организации не только образует одну из черт этнической специфики, но и оказывается одним из главных факторов стабилизации такой специфики в целом. И особенно это верно для тех исторических условий, когда последняя еще не успела «устояться» (т. е. когда еще не завершен процесс этнической консолидации) и потому особенно нуждается в защите общественными институтами. И диалектика взаимодействия культуры в целом и ее потестарной или политической составляющей заключается в самом общем виде в том, что такая составляющая, будучи частью культуры этноса, выступает в то же время как одно из самых действенных средств сначала стабилизации, а затем и сохранения целостности этой культуры.

Нельзя считать случайным то обстоятельство, что когда Р. Нэролл попытался найти такую «уточненную» форму этнической единицы, которая была бы более удобна для кросс-культурного изучения, нежели такая широко распространенная общность, как племя, он ввел в число параметров, определяющих предложенную им культурную общность (cultunit), принадлежность к одному и тому же государству или по крайности «к одной и той же контактной группе»²³. Иначе говоря, при такой постановке вопроса потестарно-политическая структура, т. е., повторим это, концентрированное выражение потестарно-политической культуры, рассматривается как защитный механизм культуры в целом.

Сходная, но более широкая постановка проблемы принадлежит в отечественной науке Э. С. Маркарян, говорящему о культуре как об «особой совокупности средств и механизмов решения различных проблем, с которыми сталкиваются ее носители»²⁴.

Как защитный механизм культуры потестарно-политическая организация предстает перед нами и в тех случаях, когда в качестве одного из критериев определения понятия этнической общности предлагается ее «внешняя независимость»²⁵. Ведь обеспечить такую независимость невозможно вне определенных организационных рамок. Организация же в целом, включая и организацию отношений власти и властвования, несомненно, образует составную часть культуры, играя коммуникативную, сигнификативную и нормативную роли²⁶. И организация этих отношений обязательно должна существовать в той или иной форме и регулировать их внутри любой «контактной группы», применяя термин Нэролла, если, конечно, эта группа представляет нечто более или менее стабильное.

²² Н. Н. Чебоксаров. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых.— СЭ, 1967, № 4, с. 99.

²³ R. Naroll. On ethnic unit classification.— CA, v. 5, № 4, 1964, p. 286—288.

²⁴ Э. С. Маркарян. О генезисе человеческой деятельности и культуры, с. 42; *его же*. Очерки теории культуры, с. 77—88.

²⁵ См., например: I. Schapera. Government and politics in tribal societies. Josiah Mason lectures delivered at the University of Birmingham. London, 1956, p. 8, 218; G. Dole. Tribe as an autonomous unit.— «Essays on the Problem of Tribe. Proceedings of the 1967 Annual Spring Meeting of the American Ethnological Society». Ed. J. Helm. Seattle—London, 1968, p. 92; *ее же*. Comment on: R. Naroll. On ethnic unit classification.—CA, v. 5, N 4, 1964, p. 294.

²⁶ S. F. Nadel. The foundations of social anthropology. London, 1953, p. 78—87; *его же*. The theory of social structure. London, 1957, p. 149.

Принадлежность потестарно-политической культуры к этнически специфичным явлениям с особой силой подчеркивается той неразрывной связью, какая существует между нею и ритуальными формами культуры. Строго говоря, этнически специфична в первую очередь как раз символика потестарно-политической культуры и ее ритуальная сторона. Именно они придают этнические (точнее уже национальные) различия политическим культурам развитых капиталистических обществ, хотя сущность власти здесь практически полностью нивелирована ее классовым характером и сближением, так сказать, технических форм механизма властных отношений. Однако всеобщность этого явления вовсе не означает, что оно в одинаковой степени представлено в обществах разного формационного уровня. И в частности, связь между потестарно-политической и ритуальными формами культуры в докапиталистических социальных организациях неизмеримо более прочна и всесторонняя, нежели в обществе капиталистическом — в таких организациях она практически неразрывна. Здесь власть, потестарная или политическая, как правило, сочетается с властью ритуальной, а последняя образует одну из самых важных частей соционормативной культуры, отличающей данное общество от других.

Такое сочетание оказывается тем более прочным, чем ниже в стадийном отношении находится рассматриваемый социальный организм. Например, связь политической и ритуальной власти в обществе феодальном при всей ее значимости все же ниже, чем в период перехода от доклассового общества к классовому, когда общественный организм достигает такого (по распространному в американской литературе определению) уровня социокультурной интеграции²⁷, как вождество. Некоторые исследователи вообще полагают, что как раз соединение духовной и светской власти в одних руках образует типическую черту этой формы социально-политической организации. Правда, справедливости ради нужно сказать, что еще в 1940 г. А. Р. Рэдклифф-Браун, не пользуясь понятием вождества, а просто основываясь на сравнительном исследовании ряда африканских традиционных обществ (и не только их), говорил о том, что в подобных случаях соединение в руках вождя политической (точнее — потестарной) должности с ритуальной надлежит рассматривать не как единение разных функций, но как аспекты единой функции управления обществом²⁸.

Другими словами, речь идет опять-таки о проявлениях определенной нерасчлененности такой сферы специфически человеческой деятельности, как регулирование функционирования общественного организма. И коль скоро верования и связанные с ними обряды составляют одну из главных сфер проявления этнической специфики, их органическая связь с потестарно-политической организацией способствует этнической специфичности последней и с этой стороны.

Конечно, говоря об этнической специфике в применении к потестарно-политической культуре, всегда следует помнить, что специфичными могут быть, строго говоря, лишь формы ее выражения, так как задача этой части культуры в целом едина вне зависимости от конкретных особенностей того или иного общественного организма: регулирование его нормальной деятельности как самовоспроизводящейся системы. Различие между обществами в этом плане сводится только к одному принци-

²⁷ См.: J. H. Steward. Theory of culture change. The methodology of multilineal evolution. Urbana, 1955, p. 43—56; E. R. Service. Primitive social organisation: an evolutionary perspective. N. Y., 1971.

²⁸ A. R. Radcliffe-Brown. Preface.—«African political systems». Ed. M. Fortes, E. E. Evans Pritchard. London, 1940, p. XXI. См. также: E. R. Service. Origins of the State and civilisation. The process of cultural evolution. N. Y., 1975, p. 93—94, 294—295; R. Cohen. Introduction.—R. Cohen, E. R. Service (eds.). Origins of the State. The anthropology of political evolution. Philadelphia, 1978, p. 16; H. J. M. Claessen, P. Skalnik (eds.). The early States. The Hague, 1978.

пиальному моменту — разнице между доклассовой и классовой стадиями развития. Соответственно, здесь и проходит граница между потестарной и политической культурами.

Но потестарно-политическая культура — не только защитный механизм культуры того или иного этносоциального организма. По мере расширения границ потестарной, а тем более раннеполитической структуры (а это явление весьма типично для эпохи перехода от доклассового к классовому обществу), она начинает оказывать заметное ускоряющее воздействие на динамику культурных изменений в рамках как той этнической общности, которая объединена данной структурой, так и тех, с которыми эта общность вступает в контакты при таком расширении. И больше того, в ходе складывания предклассовых (вождества, военно-демократические формы организации) и раннеклассовых структур потестарная и раннеполитическая культуры все чаще становятся средством распространения культуры данной этнической общности на все более обширную территорию, притом все чаще насильственным путем.

Здесь, как и во всех других случаях, воздействие носит диалектический характер. Принципиальный его механизм вполне очевиден. С одной стороны, расширение границ потестарной или политической системы увеличивает возможности культурного дрейфа — накопления в культуре случайных изменений, ведущего затем к существенному ее изменению²⁹. С другой же стороны, такой дрейф происходит и в самой потестарной или политической культуре: взаимодействие с другими культурами ведет к изменению этнически специфичных форм организации отношений власти и властвования у расширяющего свою территорию этносоциального организма (ЭСО)³⁰. Дрейф может заметно ускориться при наличии своего рода этнической и связанной с нею потестарно-политической непрерывности, довольно характерной для общественных организмов, в которых эволюция потестарной структуры находится еще на низком уровне³¹. Достаточно показательно для такого процесса общество алуров — нилотского народа, живущего по обе стороны границы между Угандой и Заиром. Именно их этнопотестарные группы послужили в 50-х годах основой для созданной Э. Саутхоллом концепции «сегментного государства», т. е. пирамидальной потестарной структуры, образованной множеством «фокусов» власти, повторяющих на нижних уровнях организацию власти на вершине пирамиды, притом что контроль такого центра над местными сегментами крайне незначителен, а самые удаленные от него из их числа могут одновременно подчиняться какому-то другому центру³².

Всякий процесс взаимодействия включает две стороны, принимающие в нем участие. Взаимодействие потестарно-политических культур разных этнических общностей не представляет исключения из этого правила. В данной связи возникает довольно любопытный вопрос: как реагируют на такое взаимодействие различные стороны потестарно-политической культуры вступающих в контакт ЭСО? Или же, в иной формулировке, в какой степени неизбежные изменения проявляются в разных областях этой культуры, как такие изменения выражаются в выполняемых ею в обществе функциях?

По-видимому, исходным пунктом для попытки ответить на такой вопрос должен послужить тот бесспорный принцип, что при контакте двух

²⁹ M. J. Herskovits. *Man and his works. The science of cultural anthropology*. N. Y., 1949, p. 581—585.

³⁰ F. Eggan. *Cultural drift and social change.*— F. Eggan. *Essays in social anthropology and ethnology*. Chicago, 1975, p. 259—262.

³¹ См.: H. H. Чебоксаров. *Указ. паб.*, с. 101; E. R. Service. *Origins of the State and civilisation*, p. 64.

³² A. W. Southall. *Alur society. A study in processes and types of domination*. Cambridge, 1953, p. 243, 248—249, 252—253.

культур реципиент воспринимает из культуры-донора лишь те ее элементы, к которым он подготовлен своим собственным развитием. Принцип этот, сформулированный в применении к явлениям культуры еще философами Просвещения, получил широкое признание в отечественной и зарубежной науке³³. Можно, таким образом, предполагать априорно, что на выполнение разных функций потестарно-политической культуры контакты с такой же культурой иных ЭСО влияли по-разному.

Бесспорно, например, что легче всего усваивались новшества в сфере инструментальной; к тому же их легче обнаружить при исследовании. Речь идет прежде всего о том, что такие факторы, как заимствование более эффективных видов вооружения, существенно повышали действенность той или иной потестарной или политической структуры, причем в большей или меньшей мере — в ущерб соседям. На это не раз обращали внимание в применении, скажем, к африканским потестарным и раннеполитическим образованиям предколониальной эпохи³⁴. Но это лежит более или менее за пределами интересующего нас предмета, поскольку здесь взаимодействовали общества предклассового или раннеклассового уровня с капиталистической Европой, в крайнем случае — с высокоразвитым феодализмом Северной Африки. Дело было не просто в повышении эффективности, но в коренной ломке и трансформации сначала потестарно-политической, а затем (и очень скоро!) и всей социальной структуры.

Для нас более интересны результаты контактов между обществами докапиталистическими, более того — предклассовыми и раннеклассовыми, когда технологические заимствования не могли бы резко и в короткое время существенно изменить относительное равновесие между контактирующими ЭСО. Поэтому ограничимся рассмотрением того, как и в какой мере эти контакты могли воздействовать на такие функции потестарно-политической культуры, как коммуникативная, сигнификативная и нормативная. Точнее — насколько восприимчивы оказывались сферы действия этих функций к влияниям со стороны.

По-видимому, в наименьшей степени подвергалась изменению первая из них. Ведь взаимодействие с другим ЭСО примерно одинакового уровня развития не требует сколько-нибудь заметного изменения коммуникативной сети данного общества, во всяком случае в том, что касается его внутренней жизни. Правда, параллельно с этим происходило расширение такой сети вовне за счет необходимых связей с другими этническими общностями. Но плотность новых звеньев, особенно на первых порах, намного ниже; к тому же в них включается несравненно меньшее число людей, входящих в данный ЭСО, нежели во внутренние участки сети.

В то же время должна была заметно увеличиться роль сигнификативной функции: расширение коммуникативной сети вовне при всей его замедленности угрожало бы в перспективе постепенным «размыванием» этнической специфики, если бы одновременно с ним не происходило укрепление механизмов, отграничивающих внутренние звенья от внешних. И точно так же должна была возрасти интенсивность реализации нормативной функции потестарно-политической культуры, ибо та же самая угроза «размывания» этнической границы требовала определенного ужесточения контроля над соблюдением стереотипов индивидуального и массового поведения, характерных для данной общности.

³³ См., например: «Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий (проблемы исторических контактов)». М., 1978; *H. A. R. Gibb. The influence of islamic culture on Medieval Europe.*— «Bulletin of the John Rylands Library», 1955—1956, № 38, p. 82—98; *M. Rodinson. Dynamique de l'évolution interne et des influences externes dans l'histoire culturelle de la Méditerranée.*— «Actes du I Congrès d'Etudes des cultures méditerranéennes d'influence arabo-berbère». Publ. M. Gally, D. R. Marshall. Alger, 1973.

³⁴ См., например: *J. Goody. Technology, tradition, and the State in Africa.* London etc., 1971.

Но возрастание значения двух последних функций никоим образом не означало, что они одинаково легко допускали в сферу своего действия новшества, с которыми ЭСО знакомился при контактах. Насколько можно судить по известному фактическому материалу, да и чисто логически в наибольшей степени усваивались новые элементы в сфере сигнификативной. Но при этом они в большей или меньшей степени переосмысливались, приспособлялись к условиям и потребностям общества-реципиента. Иначе говоря, легче всего обновлялись и дополнялись, как это ни покажется на первый взгляд парадоксальным, как раз те стороны потестарно-политической культуры, которые должны были символизировать именно данную коммуникативную сеть, отличая ее от других. Но в то же самое время самую эту сеть отличала особая устойчивость, которая поддерживалась бесперебойным на первых порах функционированием традиционной социальной нормы.

Сказанное можно достаточно хорошо проиллюстрировать, скажем, на примере этнопотестарных и раннеполитических образований суданско-сахельской зоны Африки. Принятие ислама правящей верхушкой средневековых Мали, Канема-Борну или Сонгай не сопровождалось, особенно в первое время, сколько-нибудь заметным изменением коммуникативной и нормативной сфер потестарной или политической культуры, хотя все внешние признаки мусульманской государственности присутствовали на самых высоких уровнях управления. Здесь очень ясно проявлялась внешняя ориентация заимствований в сигнификативной сфере: исламизация затрагивала прежде всего тех, кто имел непосредственные контакты с мусульманским миром. Внутри же общества продолжали в полной мере действовать традиционные нормы, а сама коммуникация в нем практически не подвергалась сколько-нибудь ощутимым изменениям³⁵.

Заслуживает обсуждения и такой вопрос, как соотношение потестарно-политической культуры с иерархическим характером этнических общностей. Таксономические единицы такой иерархии представляют разные уровни этнических общностей³⁶ — имеются в виду такие единицы, которые обладают значимым комплексом этнических характеристик и черт. Они могут варьировать от микроэтнических — семьи, до макроэтнических, например, союза племен. Потребность управления существует на всех этих уровнях, на всех она удовлетворяется теми или иными формами отношений властвования, хотя потестарный или политический характер эти отношения, как уже говорилось, приобретают лишь начиная с определенного уровня.

Но сфера распространения потестарно-политической культуры в целом не совпадает с иерархией этнических общностей. Больше того, поскольку основные представления, связанные с потестарной или политической культурой общества, индивид получает в процессе социализации, оказывается, что едва ли не главными хранителями традиций такой культуры выступают прежде всего семья и непосредственно надсемейный уровень организации; в докапиталистических обществах это чаще всего — община или семейно-родственная группа в той или иной ее форме. Именно здесь вырабатывается та часть субъективного элемента потестарно-политической культуры, которую американские политологи называют «первичными политическими представлениями» (primitive po-

³⁵ См., например: J. C. Froelich. Essai sur les causes et méthodes de l'islamisation de l'Afrique de l'Ouest du XIe siècle au XXe siècle.—«Islam in Tropical Africa. Studies Presented and Discussed at the Fifth International African Seminar, Ahmadu Bello University, Zaria, January 1964». Ed. with an introduction I. M. Lewis. London, 1966; B. Stępniewska. Portée sociale de l'Islam au Soudan Occidental aux XIVe—XVIIe s.—«Africana Bulletin», 1971, № 14.

³⁶ Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография, с. 125—126; В. Ф. Генинг. Этнический процесс в первобытности. Опыт исследования закономерности зарождения и раннего развития этноса. Свердловск, 1970, с. 40—41.

litical beliefs)³⁷, т. е. та начальная система взглядов и ценностей, которую можно определить как потестарно-политическое сознание и самосознание. Оно входит в обыденное сознание, представляющее в свою очередь один из компонентов «этнического слоя культуры», по определению Ю. В. Бромлея³⁸ (хотя и не совпадает с ним целиком). Следует иметь в виду, что потестарное сознание присутствует у членов даже таких обществ, в которых трудно заметить сколько-нибудь оформленную потестарную структуру, хотя оно и не всегда может быть выявлено при опросе этих людей исследователем как более или менее целостная система взглядов именно по этим проблемам. Только в таком смысле и следует понимать заявление, скажем, Л. Боханнан, что сегментная организация народа тив (Нигерия) держится именно тем, что у тив нет понятий «политика» и «политический» в привычном для европейца смысле³⁹.

Точно так же не совпадают потестарно-политическая культура общества и его потестарно-политическая структура, хотя, как уже не раз говорилось, последняя может рассматриваться как концентрированное выражение первой. Такое несовпадение обусловлено тем, что в них преимущественно представлены информационные связи разного характера. Как показали в свое время С. А. Арутюнов и Н. Н. Чебоксаров, информационная сеть социальной общности построена главным образом на горизонтальных, т. е. синхронных связях. В общности же этнической преобладают инфосвязи диахронные, т. е. вертикальные⁴⁰. Конечно, абсолютизировать это различие невозможно: взаимоотношения информационных связей разного типа диалектичны, диахронные и синхронные связи неизбежно в какой-то степени переплетаются в социальной практике.

В интересующем нас случае потестарно-политическая организация общества образует важнейшую составную часть его социальной структуры в целом. В этом своем качестве она предстает перед исследователем как система связей преимущественно синхронных, горизонтальных. В то же время потестарно-политическая культура общества, входя в состав культуры данного ЭСО, включена в систему главным образом диахронных, вертикальных связей.

На пересечении этих двух систем находятся определенные присущие данному обществу традиции потестарно-политической организации. Они, с одной стороны, обеспечивают преемственность в развитии организации власти и отношений властвования; в этом своем качестве они образуют едва ли не важнейшую часть потестарно-политической культуры. Но, с другой стороны, эти же традиции служат одним из самых действенных элементов, скрепляющих потестарно-политическую организацию, т. е. систему инфосвязей, в основном синхронную.

Такого рода традиции обладают заметной относительной самостоятельностью, и это им обеспечивает значительно большую способность к тому, чтобы усваиваться общностями иной культуры сравнительно с другими элементами культуры данного этноса. Правда, непременным исходным условием служит при этом стадильная близость вступивших в контакт ЭСО: в этом случае различные сферы потестарно-политической культуры, а не одна только сфера действия сигнификативной функции ее, оказываются более проницаемы для влияний извне. При этом помимо стадильной близости немалую роль могут играть сходные природ-

³⁷ S. Verba. Указ. раб., с. 518, 519, прим. 5.

³⁸ Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография, с. 75.

³⁹ L. Bohannan. Political aspects of Tiv social organisation.— «Tribes without rulers. Studies in African segmentary systems». Ed. by J. Middleton and D. Tait. London, 1958, p. 65.

⁴⁰ С. А. Арутюнов, Н. Н. Чебоксаров. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества.— «Расы и народы», 2, М., 1972, с. 19.

ные условия, обуславливающие сходство хозяйственно-культурного типа, к которому принадлежат контактирующие ЭСО.

Результатом такого сочетания социальных и природных факторов могло быть складывание своего рода макропотестарных или даже макрополитических общностей вокруг какого-либо одного центрального ЭСО. При этом прямая политическая гегемония последнего вовсе не была обязательной, не говоря уже о непосредственном подчинении ему других общностей. В таких обстоятельствах правильнее будет, видимо, говорить не столько о макрообщностях, сколько об определенных потестарно-культурных или политическо-культурных регионах или «политических пространствах», по довольно удачному определению сенегальского исследователя П. Дианя, разработавшего это понятие на материалах Западной Африки, бассейна Конго и Центрального Судана⁴¹. В таких «пространствах» преобладали традиции и формы потестарно-политической организации, которые в наибольшей степени находили свое выражение в каком-то для данного пространства центральном ЭСО, дальше других продвинувшемся в своем социально-политическом развитии.

Одна из главных составных частей потестарно-политической культуры — традиции потестарно-политической организации — оказывается особо действенной и важной на переходе от общества доклассового к классовому, т. е. как раз в пору постепенного превращения потестарной культуры в раннеполитическую. Именно они обеспечивали социальной верхушке, постепенно трансформировавшейся в эксплуататорский класс, технические возможности, с одной стороны, монополизации функции управления обществом, а с другой — соответствующего перераспределения общественного продукта в пользу этого нарождающегося класса. И начинается этот важнейший качественный скачок от потестарной культуры к политической на сей раз с нормативной функции, так как именно в ее составе особо выделяется необходимость специализации внутреннего подавления, обретающей уже относительную самостоятельность (что и находит отражение в соответствующей специализации связанного с подавлением участка общей коммуникативной сети ЭСО). Как уже сказано, такая относительная самостоятельность образует в этом плане главное отличие политической культуры от потестарной.

Рубеж перехода от доклассового общества к классовому отмечен и таким важным явлением, как возникающая возможность отделить политическое сознание от этнического. Теоретически говоря, эти составляющие субъективного элемента культуры могли полностью совпасть лишь на сравнительно коротком историческом промежутке: когда этническая общность — этникос приобретала социально-потестарные функции. Иными словами, на уровне такой формы общественной организации, как племя⁴². Но уже на уровне союза племен — ЭСО и этнопотестарного организма предклассовой эпохи — в потестарной культуре входящих в такой организм индивидов появляется в качестве неотъемлемого элемента определенная двойственность, вернее, разграничение этнической принадлежности как своей связи с конкретным племенем и принадлежности потестарной — связи с определенным этнопотестарным организмом, каковым в данном случае оказывается союз племен. Бесспорно, эти формы сознания дифференцировались достаточно медленно, ощущение своей связи с племенем, с его ценностями и символами, обрядностью и поведенческими нормами (т. е. со всем, что образует сигнификативную и нормативную сферы потестарной культуры) на первых порах

⁴¹ P. Diagne. Pouvoir politique traditionnel en Afrique Occidentale. Essai sur les institutions politiques précoloniales. Paris, 1967.

⁴² Для интересующего нас здесь круга вопросов не имеет существенного значения «первичный» или «вторичный» характер племени, оживленно дебатруемый в последние годы в западной науке.

было намного сильнее чувства связи с надплеменной формой организации. Важнейшую роль играло здесь то, что коммуникативная сеть племени намного плотнее, чем такая сеть союза племен.

Бесспорно, однако, и то, что по мере складывания новых форм этнических общностей, характерных для раннеклассового общества (например, первичные народности), раннеполитическое сознание и самосознание начинали перерастать первоначальный этнический уровень, т. е. уровень племени или соплеменности. Они все более становились осознанием принадлежности к определенной раннеполитической общности, границы которой чаще всего перекрывали границы данного ЭСО, становившегося одновременно частью новой народности. Сложение такого раннеполитического сознания и самосознания сплошь и рядом опережало складывание этнического самосознания на новом уровне этнического развития. Тем самым оно как бы становилось предпосылкой формирования нового иерархического уровня этнического сознания и самосознания. С точки зрения историко-культурной, этот процесс можно рассматривать как дифференциацию разных сфер культуры вообще, как выделение отдельных специализированных ее областей из единой недифференцированной культуры родового общества по мере усложнения структуры последнего и соответственно усложнения управления им.

Такая дифференциация сфер культуры, выделение культуры раннеполитической и обретение ею относительной самостоятельности в небольшой степени ускорялись в тех случаях, когда субъективные моменты политической культуры—раннеполитическое сознание и самосознание—имели тенденцию к тому, чтобы ассоциироваться с осознанием принадлежности к иным надэтническим общностям. Например к конфессиональным. В качестве примера можно привести распространение форм политической культуры, порожденной исламом. Я имею в виду такие ее элементы, как подчеркнуто теократический характер политической организации, сочетание в лице правителя политического руководителя и имама—главы религиозной общины, универсалистские тенденции к противопоставлению мусульманской общины в целом как единого организма всем прочим, иноверным, народам и государствам. Конечно, все эти признаки были реально действующими лишь на начальном этапе мусульманских завоеваний (именно тогда, когда понятие «мусульманин» более или менее совпадало с понятием «араб»). Позднее, когда в состав мусульманского мира вошли области с неизмеримо более высоким уровнем общественного и политического развития, чем в Аравии VII в., практика управления и халифатом и теми независимыми владениями, на которые он скоро начал распадаться, все более отклонялась от теории. Но сама эта теория оставалась, да и сейчас еще остается (достаточно напомнить хотя бы о революционных событиях 1978—1979 гг. в Иране!) неотъемлемой частью символов и ценностей мусульманской политической культуры, каким бы модификациям последняя ни подвергалась.

Впрочем, история мусульманских завоеваний в раннем средневековье заставляет задуматься и над такой проблемой, как процесс и ближайшие результаты взаимодействия ЭСО, каждый из которых обладает собственной потестарной или политической культурой. Эта проблема возникает при формировании практически любой полиэтнической политической общности, а также и в контактных зонах различных ЭСО даже в тех случаях, когда не происходит сложения такого «плюралистического» общества. В принципе мы имеем здесь дело с частным случаем более общей проблемы культурных контактов.

Решение ее в общем виде, т. е. сложение в конечном счете культуры, вобравшей в себя и творчески переработавшей элементы составивших ее более ранних культур, в сфере потестарно-политической будет таким же. И точно так же формированию единой культуры предше-

ствуется этап бикультурализма, в данном случае — биполитизма. Но такой биполитизм, по-видимому, гораздо чаще, чем бикультурализм в других сферах, принимает форму сосуществования и взаимодействия двух потестарных или политических субкультур. Здесь необходимо иметь в виду, что в рамках раннеполитических культур даже при наличии двух субкультур их равенство — вариант скорее исключительный, нежели общее правило.

Объяснение этому следует искать в том, что в сфере политической культуры решающее значение имеет уже не этническая специфика, а фактор классовый. Преобладание получает всегда политическая культура более сильной в социально-классовом смысле группы, тем более класса. Тезис В. И. Ленина о существовании в любом обществе с антагонистическими классами двух классово детерминированных культур⁴³, пожалуй, нигде (кроме, конечно, идеологической сферы) не проявляется с такой остротой, как в политической культуре. При этом, строго говоря, эндогенное или экзогенное происхождение такого политического бикультурализма не столь уж существенно: в обоих случаях результатом оказывается противостояние двух антагонистических политических культур — эксплуататоров и эксплуатируемых. Однако бесспорно, что разнотипный характер господствующего класса и трудящихся масс, как правило, обострял такое противостояние и в любом случае придавал ему достаточно важные оттенки, отсутствующие в тех условиях, когда политический бикультурализм складывался внутри одной этнической общности.

Кроме того, в раннеклассовом обществе такое противостояние двух политических субкультур в рамках единого политического организма приобретает этническую окраску гораздо чаще, нежели на более высоких уровнях общественного развития. Очень характерно, скажем, в этом смысле европейское средневековье, как раннее — например, вестготская Испания, — так и позднее. Немало примеров тому знал развитый европейский феодализм: назову хотя бы Прибалтику с политическими субкультурами немецкого дворянства и эстонского и латышского крестьянства, или славянские земли Венгерской короны, или балканские владения Османской империи. В последнем случае внутри политической культуры господствовавшего класса тоже противостояли две субкультуры, пусть и не антагонистические — турок и местных феодалов.

Практически до наших дней сохранялись такие явления в Тропической Африке. Например, в Межозерье — историко-культурном регионе, характеризуемом и определенным единством форм потестарно-политической организации. Здесь взаимодействие этнических общностей, имеющих каждая свою потестарную культуру, обычно вело в конечном счете к сложению раннеклассовой политической культуры, в какой-то степени интегрировавшей разнородное население в единый социально-политический (а впоследствии — и этносоциальный) организм. Яснее всего это можно наблюдать на примере доколониальной Руанды, где с особенной полнотой и ясностью проявлялись эксплуататорские отношения. Здесь на уровне всего общества сложилась определенная система политических символов и ценностей, освящавшая сформировавшуюся раннеполитическую структуру⁴⁴. Но в рамках этой раннеполитической культуры функционировали две антагонистические раннеполитические субкультуры — тутси и хуту, и события рубежа 50—60-х годов убедительно показали их антагонистический характер и то, что взаимодополняемость субкультур вовсе не означала примирения носителей низшей

⁴³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 120—121.

⁴⁴ J. J. Maquet. The premise of inequality in Ruanda. A study of political relations in a Central African kingdom. London etc., 1961, p. 104—159; L. de Heusch. Le Rwanda et la civilisation interlacustre. Etudes d'anthropologie historique et structurelle. Bruxelles, 1966, p. 403—459.

из них с навязанными им силой нормами единой социально-политической системы.

Точно так же формирование единой политической культуры не означает примирения с нею носителей низшей из двух составивших ее субкультур (низшей по общественному статусу) и в исследованном Ф. Солцмэном «прото-государстве» Кухак в Иранском Белуджистане. Как и в Руанде, оно образовалось в результате подчинения кочевниками-белуджами оседлого земледельческого населения — шахри и полного отчуждения у них права распоряжаться важнейшей в здешних природных условиях частью производительных сил — водными ресурсами. Такая раннеполитическая по своему характеру система сложилась в обстановке, когда она была необходима обеим сторонам. Но необходимость эта вовсе не означала равенства положения: кочевники не могли обойтись без продуктов земледелия, а земледельцы — без определенного ограничения угрозы грабежа со стороны кочевников. Или, говоря словами Солцмэна, потому, что белуджи от такого объединения получали выгоду, а у шахри просто не было выбора⁴⁵. В этом смысле необходимость системы господства-подчинения признана всеми, и это признание образует составную часть субъективного элемента складывающейся политической культуры. Но отсюда вовсе не следует, что шахри перестали выражать недовольство существующим положением вещей, утверждая, что и белуджи и опирающийся на их военную силу нынешний правитель Кухака занимают свое привилегированное положение незаконно, т. е., иначе говоря, в противоречие с социально-политическими нормами, существовавшими в обществе земледельцев к моменту установления нынешней системы в начале нашего столетия⁴⁶.

При образовании плюралистичных этнополитических общностей из разных ЭСО, обладающих собственными потестарными или политическими культурами, складывание новой, интегрированной политической культуры (даже при сохранении внутри ее отдельных субкультур) заметно облегчается тогда, когда объединяемые ЭСО принадлежат, скажем, к одной и той же конфессиональной макрообщности. Это, например, очень убедительно продемонстрировал Дж. Пэден в своей работе о становлении на мусульманской конфессиональной основе единой политической культуры в эмирате Кано, населенном хауса, фульбе, арабами и берибери⁴⁷.

Впрочем, при всей действенности конфессионального фактора как ускорителя политико-культурной интеграции разноэтничного населения такая интеграция оказывается не менее возможной и тогда, когда интегрируемые общности придерживаются совершенно разных верований. В этом смысле очень интересно исследование хаусанского общества южных районов Республики Нигер, проведенное Г. Никола. Здесь в итоге взаимодействия древнего автохтонного населения, сохранившего свои традиционные верования — *анна*, и пришедших позднее мусульман-хауса сложилась «синкретическая общность, интегрирующая элементы двух наличных культур и добавляющая к ним элементы, возникшие из этой переплавки... Отсюда местная культура состоит из совокупности двух „субкультур“, взаимодополняющихся и имеющих облик разных культур»⁴⁸. Но при совершенно очевидных культурных различиях это общество оказывается тем не менее достаточно сплоченным в составе

⁴⁵ Ph. C. Salzman. The Proto-State in Iranian Baluchistan.—R. Cohen, E. R. Service (eds.). *Origins of the State*, p. 138—139.

⁴⁶ Ph. C. Salzman. Указ. раб., с. 127—128.

⁴⁷ J. N. Paden. Указ. раб., с. 387—397.

⁴⁸ G. Nicolas. *Dynamique sociale et appréhension du monde au sein d'une société hausa*.—«Travaux et mémoires de l'Institut d'Ethnologie», t. LXXVIII, Paris, 1975, p. 18.

единого традиционного государственного образования с центром в Мареди⁴⁹.

Наконец, еще один вариант итогов взаимодействия разных потестарно-политических культур может представить в том же суданско-сахельском «политическом пространстве» традиционный султанат Багирми. Здесь тоже были объединены несколько этнических общностей, в результате чего ислам наложился на традиционную культуру автохтонного населения. Но в отличие от Кано или Мареди и несмотря на то, что сами жители Багирми считают себя правоверными мусульманами, ислам не внес практически сколько-нибудь заметного мусульманского оттенка ни в потестарную культуру народа барма, ни в традиционный ритуал⁵⁰.

Принципиально иной этап в контактах различных политических культур начинается столкновением потестарно-политической культуры докапиталистического общества с капиталистической политической культурой. Таким столкновением отмечена вся история развития колониализма, в особенности же с начала XIX в. до распада колониальной системы после второй мировой войны. Трудности, связанные с жизненной необходимостью трансформировать как сохранившиеся еще частично традиционные потестарно-политические структуры, так и политические структуры, характерные для колониального общества, в соответствии с требованиями современной эпохи, составляют наряду с социально-экономическими проблемами один из самых опасных источников политической нестабильности во многих развивающихся странах. Но эта проблема, отличающаяся исключительной сложностью, нуждается в специальном рассмотрении.

В заключение следует сказать, что в рамках одной статьи невозможно, конечно, разрешить все проблемы, связанные как с самим понятием потестарно-политической культуры, так и с различными аспектами его применения в этнографическом исследовании. Такая задача не ставилась, и не могла ставиться. Имелась в виду попытка сформулировать в общем виде лишь некоторые из этих проблем и показать важность их дальнейшего изучения для этнографической науки.

THE POTESTARIAN AND POLITICAL CULTURE OF PRE-CAPITALIST SOCIETIES (INTRODUCING THE PROBLEM)

The paper deals with a set of cultural phenomena expressing the power-and-authority relations in traditional societies as well as with their impact on ethnic processes and structures.

The following topics are discussed:

- the concept of potestarian and political culture as applied to ethnographic research and its functions in the latter;
- potestarian and political culture as a defensive machinery of ethnic culture;
- the ethnic character of potestarian and political culture itself;
- potestarian and political cultures and subcultures in polyethnic societies.

⁴⁹ Там же, p. 523—545.

⁵⁰ V. Paques. *Le Roi pecheur et la Roi chasseur*. Strasbourg, 1977, p. 60—62.